

Была причина, по которой Ци Цзин все время старался не появляться перед этой женщиной вместе с Шень Янем.

Потому что он не знал, не оступится ли он.

Потому что он не знал, как объяснить, что за отношения связывали их на самом деле.

Ци Цзин никогда четко не говорил этой женщине, кем на самом деле он был для Шень Яня, но вместо этого пользовался личиной «близкого друга», чтобы объяснить их отношения. И женщина в это верила.

Поэтому, когда она увидела издали, как эти двое обнимаются, на лице у нее мгновенно появилось выражение растерянности. Затем растерянность сменилась шоком и страхом. Она замерла у двери палаты, словно глиняная кукла.

Ци Цзин почувствовал, как у него онемела спина, по ней пробежал холодок. Он не мог сдвинуться с места. Руки, только что обхватившие Шень Яня, сами собой опустились.

Но даже так было уже слишком поздно...

- Ух... - от беспокойства инстинкт импровизации, который Ци Цзин развил на своей работе, заставил его отреагировать. Его колени снова слегка подкосились, он болезненно застонал, пошатнулся и схватил Шень Яня за рукав.

- Это нехорошо, у меня все еще кружится голова. Мне так плохо, извини, - сказал он так, чтобы женщина это услышала, а еще притворился, будто, стоя, полностью полагается на поддержку Шень Яня, чтобы развеять впечатление от этого объятия. Краем глаза он мог видеть, как женщина смотрела на них пустым взглядом, ее выражение сменилось на понимающее - но с намеком на облегчение.

Ци Цзин все это видел. Затем он медленно опустил голову, опираясь на руки Шень Яня.

- С вами все в порядке? - с беспокойством спросила женщина, подойдя к ним. И впрямь, лицо у Ци Цзина выглядело не очень здоровым - он сильно побледнел, что делало его игру еще более убедительной.

Когда Шень Янь услышал, что у Ци Цзина «головокружение», то сначала удивился, но, когда позади раздался женский голос, он сразу же понял, что произошло. Шень Янь не сказал ничего, продолжая поддерживать Ци Цзина и играть свою роль без единого слова жалобы - только его пальцы на предплечьях Ци Цзина слегка сжались.

Так как Ци Цзин «плохо себя чувствовал», обед закончился быстро: они втроем почти не разговаривали. Та женщина - если ее к этому не побуждали - говорила очень редко, Шень Янь

не говорил ничего, а Ци Цзин, разыгрывая свою «старую болезнь», сидел в стороне и механически жевал. После еды женщина посоветовала Ци Цзину вернуться домой, чтобы восстановить силы. Ци Цзин с готовностью согласился и, прощаясь, встал.

Он уже собирался уйти в одиночку, как Шень Янь поднялся со своего места.

- Я тебя провожу.

Отказаться в этот момент было совсем неуместно, поэтому Ци Цзин слегка улыбнулся, хотя эту улыбку оказалось нелегко выдавить из себя.

- Ладно, спасибо.

Выйдя из палаты, они не воспользовались лифтом, а спустились друг за другом по пожарной лестнице. Ни один из них не завел разговор.

Ци Цзин шел позади Шень Яня, не отрывая глаз от его спины.

Он уже привык ходить с этим человеком рядом, и от такого угла зрения у него стало душно и беспокойно в груди. Но по сравнению с этим долгий период полной тишины между ними вынести было еще труднее. У них и раньше бывали такие минуты молчания, но молчание всегда рождалось из взаимопонимания – потому что они наслаждались этим тихо текущим теплом, а не от того, что им нечего было сказать.

Нечего сказать.

Ци Цзин горько улыбнулся – он никогда и подумать не мог, что в один прекрасный день эту фразу можно будет отнести к ним.

Он подумал, что ему просто необходимо заговорить.

- Я боюсь, – Шень Янь остановился. Его шаги замерли на лестнице. Ци Цзин медленно закончил то, что ему нужно было сказать:

- Я боюсь... Когда ты поворачиваешься ко мне спиной, мне становится страшно.

Шень Янь ничего не ответил – только слабо вздохнул. Обернувшись, он увидел только Ци Цзина с опущенными глазами, который неподвижно стоял на лестнице. На мгновение Шень Янь почувствовал, как от этого вида у него заболело сердце. Он развернулся и сделал несколько шагов назад, пока не схватил Ци Цзина за руку.

- Я не сержусь и не игнорирую тебя.

Услышав это, Ци Цзин вдруг ощутил, как сжалось его сердце, которое переполняли разные мысли. Он хотел их высказать, но единственным, что он смог произнести, было:

- Не торопись.

Кажется, Шень Янь был застигнут врасплох, но через некоторое время он, по-видимому, понял, что хотел сказать Ци Цзин. Шень Янь нахмурился и ничего говорить не стал.

- Не то, чтобы я хотел, чтобы ты продолжал это вечно скрывать, просто сейчас для этого неподходящее время, - хрипло произнес Ци Цзин. - Твоей маме завтра предстоит операция, для нее это - критический момент. Любые переживания могут сказаться на ее организме, и, если с ней что-нибудь случится, тебе тоже будет плохо... Поэтому не торопись. Делай шаг за раз - только это даст нам стабильность.

Его рука медленно сжала руку Шень Яня, словно утешая. Но на самом деле тревога в сердце Ци Цзина была не меньшей, чем у Шень Яня.

- Угу, - спустя долгое время Шень Янь наконец-то дал ему некую разновидность ответа.

Увидев, что Шень Янь согласен с ним, Ци Цзин вздохнул с облегчением и продолжил, горько улыбаясь:

- Твоей маме потребовалось так много времени, чтобы не спеша восстановить ваши с ней отношения, чтобы ей было лучше, поэтому в этот раз я не хочу...

Он не закончил то, что хотел сказать, да и в этом не было необходимости. Шень Янь, наверное, его понял.

Ци Цзин слегка наклонился вперед, положив голову на плечо Шень Яню. Шень Янь обнял его - это было совершенно нормально, но это ощущение давно потерянного тепла привело к тому, что Ци Цзин начал запинаться, когда заговорил:

- Есть вещи... которые я пережил, а ты - нет... Я не хочу, чтобы ты проходил через это.

- Угу, - когда Шень Янь подумал о ситуации в семье Ци Цзина, его голос чуть-чуть смягчился.

- Если честно, реакция твоей мамы не так важна. Что важно на самом деле - это наша позиция, потому что это наши отношения. Потому что это мы их будем поддерживать, а не она, - Ци Цзин был больше обеспокоен тем, как на их отношения в будущем повлияет ситуация с работой, чем их возможный каминг-аут.

- Угу.

В этот момент Ци Цзин легонько уткнулся Шень Яню в шею носом, словно котенок. Это было очень сдержанное, но искреннее котячье кокетство.

- Скажи, мы вот так... Это считается за то, что мы поссорились?

Услышав это, Шень Янь тихо усмехнулся.

- Не считается.

- Я знаю, что ты думаешь о нашем будущем, - добавил он после паузы, - так что тут злиться не на что.

...Я отказался от той стажировки тоже во имя нашего будущего.

Ци Цзин наконец-то нашел для себя «верную причину», от чего чувство вины, давившее ему на плечи, вдруг стало не таким тяжелым; брови у него постепенно разгладились, и он улыбнулся Шень Яню.

В этот момент Шень Янь не знал, чему улыбается Ци Цзин.

До того, как они встретились, Ци Цзин был человеком, который привык нести все на своих плечах и справляться со всем в одиночку. Шень Янь знал это с самого начала. Но за то время, пока они жили вместе, Ци Цзин постепенно начал полагаться на него все больше и чаще позволял Шень Яню заниматься всеми мелочами повседневной жизни, отчего тот постепенно забыл об этой его черте.

И если бы в тот вечер Шень Янь с чуть более громким стуком закрыл бы дверь, то он никогда бы о ней и не вспомнил.

К тому времени, когда он вернулся домой из клиники, небо уже полностью потемнело. Когда Шень Янь открыл входную дверь, в гостиной царила кромешная тьма, без единого лучика света, что очень его удивило. Обычно в это время Ци Цзин сидел перед телевизором и смотрел новости, но теперь его там не было... Может быть, он уснул?

Подумав об этой возможности, Шень Янь придержал дверь и осторожно ее прикрыл. Если Ци Цзин уснул, нехорошо было бы его разбудить, нашумев.

Но он ошибся.

Ци Цзин не спал - в спальне горел свет. Шень Янь снял пальто, уличную обувь и в растерянности подошел, чтобы открыть дверь спальни. Внутри никого не оказалось - только с балкона доносился невнятный разговор и уже знакомые ему звуки шагов от хождения взад-вперед, которое проявлялось у Ци Цзина только в моменты размышлений. Оказывается, тот на балконе говорил по телефону.

Шень Янь слышал, что шаги Ци Цзина немного отличались от обычных - взволнованные, как будто тот находился прямо в эпицентре внутренней борьбы. Озадаченный, Шень Янь инстинктивно стал ступать тише и неслышно подошел к стене.

- Я не знаю, что мне делать, - первая фраза, которую он услышал, была именно такой. Он отчетливо слышал голос Ци Цзина, гораздо более тяжелый, чем обычно, и более хриплый - типичный признак того, что человек подавляет свои эмоции.

У Шень Яня дрогнуло сердце, и он задержал дыхание, чтобы услышать больше.

Скорей всего, Ци Цзин слушал ответ человека на другом конце трубки. Он некоторое время молчал, лишь периодически хмыкая. Наконец, он глубоко вздохнул:

- Я понимаю, о чем ты говоришь. На самом деле директор тоже сказал, что я запутался, раз просто так отказываюсь от такой хорошей возможности роста, но...

В этот момент он снова замолчал. Это была всего лишь трехсекундная пауза, но для Шень Яня она тянулась три часа - его уши практически онемели, пока он стоял там, подвешенный в пустоте.

А следующая фраза походила на жестокий удар в онемевшее тело, который заставил его вздрогнуть.

- Одна мысль о том, что придется переехать на три года в Пекин, - и я больше не могу об этом думать. Я... правда не могу уехать отсюда, не могу оставить Шень Яня.

Шень Янь, в ступоре отшатнувшись, шагнул назад, а затем остановился. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы переварить всю информацию, содержащуюся в словах Ци Цзина. И как только Шень Янь понял, о чем тот говорил, он уже не знал, как ему следует к этому относиться.

Ци Цзин сказал, что он не хочет его оставлять. В таком случае... он должен был быть счастлив, верно?

В обычной ситуации он бы так и думал, но в нынешнем положении Шень Янь просто не мог мирно и эгоистично наслаждаться счастьем.

Через окно он видел смутный силуэт Ци Цзина, стоявшего под сушилками для белья на балконе, на том же самом месте, где, как тот говорил, он будет наслаждаться солнцем, превратившись в старика.

На мгновение Шень Яня охватили противоречивые чувства. Довольно долго он был не в силах пошевелиться.

Человек на балконе все еще не знал, что он стоял там, и продолжал говорить по телефону:

- Я все равно могу пробиваться вверх по работе, и все равно буду бороться, чтобы получить лучшее положение. Даже если это и нехорошо, я всегда могу подать заявление о переводе в другой отдел, только вот моя зарплата больше не станет... Хм? Что... Ты хочешь, чтобы я спросил его, что он думает? Эх, я не знаю, как ему сказать.

Почему ты не знаешь, как мне об этом сказать? Почему ты не обсуждаешь это со мной?

Шень Янь нахмурился, его рука сама собой потянулась к двери на балкон, но он не мог заставить свое сердце пойти туда.

И следующие слова Ци Цзина еще больше усложнили для него этот шаг.

- Я знаю, чего он боится больше всего - он боится, что я от него уйду. И даже если он этого не говорит вслух, я знаю, что он хочет, чтобы я остался с ним. Но этот парень слишком тактичен. Если я спрошу, что он думает, он обязательно скажет что-то вроде: «Не беспокойся обо мне, поезжай», а потом молча перенесет три года одиночества и разлуки. Я не хочу, чтобы он оказался в такой ситуации.

Рука Шень Яня обмякла, соскользнула с ручки балконной двери, а затем вернулась обратно.

- Его дом - здесь, а он из тех, кто очень заботится о доме. Я не смею, да и не хочу просить его бросить все, включая этот дом, работу, воспоминания и поехать вместе со мной... - пока Ци Цзин говорил, у него совершенно охрип голос. Было слышно, что эта внутренняя борьба уже оставила его полностью без сил. - Эта стажировка - не та возможность, от которой я не могу отказаться. Мне не нужно торопиться с карьерой и тому подобным. Сейчас я хочу дорожить только человеком, который рядом со мной, я не хочу переживать ни о чем другом.

- Глупый, - тихонько пробормотал Шень Янь, но не с упреком, а лишь с любовью.

Не издав ни звука, он отступил от стены и вышел из спальни, вернулся обратно в гостиную, закрыл за собой дверь. Он достал из шкафа уже повешенное туда пальто, обувь и снова оделся. Потом открыл входную дверь и еще раз ее захлопнул с громким «бух».

Проделав все это, он молча ждал, не говоря ни слова. Как и можно было предположить, вскоре

он услышал из спальни торопливые приближающиеся шаги, поэтому решил снять пальто. В этот же момент Ци Цзин открыл дверь и вышел в коридор. Увидев, что Шень Янь стоит у входа, он выдавил слабую улыбку.

- Ты вернулся?

- Угу, только что, - Шень Янь кивнул, второй раз за вечер повесил пальто на крючок в шкафу, и во второй раз поставил обувь в ящик. Он заговорил своим самым обычным тоном, ничего необычного в нем услышать было нельзя:

- Ты поел?

- Да, я только что разогрел то, что оставалось в холодильнике.

- Чем ты еще занимался, озвучивал? - спросил Шень Янь так невозмутимо, что невозможно было понять, что он уже знает ответ.

- А, нет, я всего лишь разговаривал со своей Младшей, - конечно же, на другом конце провода была Нин Сяося. Этого и следовало ожидать, она была единственным человеком, который в оффлайне знал об их настоящих отношениях и был достаточно близок с Ци Цзином, чтобы их обсуждать.

Шень Янь не стал спрашивать, о чем они говорили, и Ци Цзин вздохнул с облегчением. Он немного расспросил Шень Яня о самочувствии женщины, подготовке к операции, о том, что говорил врач, а потом задумчиво сказал:

- Ты тоже устал после долгого дня. Сначала иди в душ и согрейся. Завтра важный день, так что давай ляжем спать пораньше.

Все это ничем не отличалось от их обычного общения - или могло бы не отличаться, если бы не тяжесть, давившая на сердце Шень Яня.

Шень Янь молча опустил глаза, собираясь отправиться в душ, как его и просили.

Но к тому времени, как он вышел из душа, вытирая волосы, и вошел в комнату с феном в руках, он увидел Ци Цзина, сидевшего на полу. По какой-то неизвестной причине тот достал привезенный с его квартиры чемодан и при свете лампы рылся в нем в поисках какой-то вещи. Приглядевшись, Шень Янь понял, что тот искал лекарства.

Шень Янь был потрясен. Это были лекарства от боли в желудке, обезболивающие, безрецептурные снотворные и тому подобные препараты - вещи, которые, как он думал, Ци Цзину больше никогда не придется использовать.

Ци Цзин поднял голову, увидел, что он смотрит на флакончики, разбросанные по полу и, будучи пойман с поличным, неловко улыбнулся.

- А... послезавтра мой последний осмотр у врача, так что, если все будет в порядке, у меня останется не так много времени до возвращения к работе. Поэтому лучше найти эти вещи заранее, чтобы я не забыл про них, когда придет время.

Это не так, Ци Цзин.

Это не главное...

Шень Янь крепко сжал кулак точно так же, как его сердце сжала невидимая рука.

- Что случилось? - инстинктивно спросил он.

Услышав это, Ци Цзин на мгновение заколебался, неосознанно опустил голову и начал возиться с флаконами от лекарств, избегая темы.

- Ничего не случилось.

Взгляд Шень Яня не оторвался от него ни на миллиметр. Вдруг он тихо произнес:

- Ци Цзин, ты знаешь, что, когда у тебя совесть нечиста, ты не можешь смотреть мне в глаза?

Эти слова попали прямо в цель. Рука Ци Цзина, сжимавшая пузырек с лекарством, задрожала. Он мог только собраться с силами и поднять взгляд. Глаза Шень Яня были полностью темны, а его взгляд - прямым, способным вызвать чувство вины - вот почему Ци Цзин не осмеливался его встретить.

Он не ожидал... Шень Янь уже знал его привычки и мог разглядеть его слабости. У Ци Цзина не было иного выхода, кроме как признать поражение с горькой улыбкой.

- Хорошо, ты прав. У меня совесть нечиста.

Шень Янь не улыбнулся и, нахмурившись, спросил еще раз:

- Что случилось?

Они жили под одной крышей, и даже капелька внимания к его обычному распорядку дня выдала бы, что он по-прежнему будет работать репортером. У Ци Цзина не было возможности это скрыть, рано или поздно Шень Янь бы это понял. Поэтому Ци Цзин и решил рассказать ему

эту часть правды.

- Мое заявление на должность телеведущего... Начальство его не одобрило.

Шень Янь был ошеломлен. Он узнал о переезде в Пекин на три года, но об этом слышал в первый раз.

Ци Цзин увидел, как он остолбенел, и попытался его успокоить:

- Неважно, если они хотят, чтобы я по-прежнему работал репортером, пусть так и будет. В любом случае, у меня уже есть немалый опыт, так что это может быть даже удобней. Единственный недостаток - то, что рабочее время и командировки могут быть довольно утомительными, но я приложу все усилия, чтобы сбалансировать работу и отдых.

Сказать-то он сказал, но новичком в репортерской жизни не был - порой, получая задание, он бывал занят весь день до глубокой ночи, и с этим ничего нельзя было поделать.

Ци Цзин произнес это совсем не убедительно. Даже его улыбка выглядела натянуто.

Шень Янь молча наблюдал за ним, разглядывая его лицо в свете лампы.

Он видел, каким изможденным и безжизненным оно было раньше. А еще он видел такой же обреченный взгляд, словно Ци Цзин был сыт по горло этим миром.

После всех этих дней, когда Ци Цзин выздоравливал, ел здоровую и питательную пищу, медленно восстанавливал качество своего сна, состояние его тела и разума постепенно становились во много раз лучше, чем тогда, когда он переехал, - большинство воспоминаний Шень Яня о Ци Цзине было связано с его счастливой улыбкой. Например, сейчас, при слабом свете лампы, даже черные пряди его волос казались более блестящими, чем прежде.

...Такие мягкие и приятные на ощупь - после этой мысли он не удержался и протянул руку, чтобы их погладить.

- Что? - Ци Цзин был застигнут врасплох, но вскоре расплылся в улыбке, уголки его глаз приподнялись, пока он наслаждался теплом, исходящим от пальцев Шень Яня.

- Я думаю о тебе, - мягко сказал Шень Янь.

Ци Цзин не ожидал, что он будет настолько откровенен, - его уши мгновенно покраснели.

- Разве я не перед тобой? - он смущенно опустил голову, но все-таки наклонился, прижимаясь

поближе к груди Шень Яня. - О чем тут думать?

Я думаю о том, каким ты был раньше, подумал Шень Янь.

Он думал о Ци Цзине, о том, каким тот был, когда только переехал к нему. О том Ци Цзине, у которого два-три раза случались приступы желудочных колик. В то время Ци Цзин упрямо отказывался ему об этом говорить, но его лицо бледнело от боли, он сворачивался калачиком на кровати, - только спустя какое-то время Шень Янь нашел его таким. Расстроившись, он тогда приготовил что-то, чтобы согреть желудок. Ци Цзину стало лучше, но потребовалось много времени и усилий для того, чтобы эти приступы прекратились.

Он думал о Ци Цзине, который каждую ночь спал с ним рядом. Сон у него стал гораздо ровнее, чем прежде, но все еще оставался очень легким - все случаи, когда тот просыпался среди ночи и прятался в его объятиях... Он все это знал.

В этот момент он точно знал, что решило его сердце.

Примечание автора.

Я типа чувствую, что в этой главе Папочка Котика очень... топ. Это только я так... _(:3[∠) (Эй-эй, он всегда был сверху).

<http://bllate.org/book/13906/1225650>